

**Временный договор между РСФСР и Чехословакией:
к 100-летию подписания**

Серапионова Елена Павловна
Доктор исторических наук, заведующая отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серапионова Е. П. Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 68–85. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.04

Статья поступила в редакцию 06.03.2022.

Аннотация

Статья посвящена установлению контактов между Советской Россией и Чехословацкой Республикой и подписанию первого договора между странами 5 июня 1922 г. Столетний юбилей документа и осложнившиеся в последние годы отношения между РФ и ЧР определяют актуальность обращения к этим сюжетам. На основе выявленных в Архиве внешней политики РФ документов, представляющих собой переписку советских представителей в Праге С. И. Гиллерсона и П. Н. Мостовенко с народным комиссаром иностранных дел В. Г. Чичериным и его заместителем М. М. Литвиновым, а также опубликованных материалов по истории советско-чехословацких отношений предпринята попытка объяснить имевшиеся между сторонами противоречия. Автор анализирует международную обстановку того времени, условия договора, обращает внимание на то, что договор не был ратифицирован парламентом ЧСР, а вступил в силу постановлением правительства. В заключении делается вывод, что стратегическая цель советской внешней политики — добиться признания де-юре — в тот момент достигнута не была, но Временный договор означал признание РСФСР де-факто и создавал условия для развития торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова

Чехословакия, РСФСР, Временный договор 1922 г., дипломатическое признание Советской России.

В феврале 2022 г. в Институте конфликтологии прошла конференция под названием «Чехия — Россия: от конфликта к диалогу», посвященная 100-летию установления торгово-экономических отношений. На ней обсуждались современные проблемы в отношениях двух стран. И хотя сегодня эти отношения оставляют желать лучшего, нет иного пути, как пытаться их нормализовать. Если обратиться к истории, то и начало двусторонних контактов развивалось непросто: тогда, как и сегодня, речь шла о переходе от конфликта к диалогу, компромиссам и соглашениям.

Октябрьский переворот в России и образование Чехословацкой Республики поставили вопрос об установлении взаимных отношений. Но вспыхнувший в мае 1918 г. вооруженный конфликт чехословацких легионеров с большевиками отодвинул эту задачу.

Переговоры об установлении контактов начались вскоре после ликвидации вооруженного конфликта между чехословацкими легионерами и большевиками¹. Как известно, 7 февраля 1920 г. на станции Куйтун были подписаны условия мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири².

Перед советским правительством стояла задача выхода из международной изоляции, в которой оно оказалось в результате революционных событий. 25 февраля 1920 г. правительство РСФСР обратилось с нотой к правительству Чехословацкой республики. В документе содержалось предложение установить «вполне мирные и дружествен-

---

1 В ответ на требования Реввоенсовета о выдаче А. В. Колчака и золотого запаса, 15 января 1920 г. по приказу главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке М. Жанена Колчак и председатель его правительства В. Н. Пепеляев были выданы эсеро-меньшевистскому Политическому центру в Иркутске, а 1 марта 1920 г. чехословацкое командование передало золотой запас представителям Военно-революционного комитета. Это стало для легионеров пропуском во Владивосток для эвакуации на родину. См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы. М., 2018. Т. 2. С. 793, 830–831.

2 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). М., 1976. Т. 1. С. 312–315.

ные отношения» и начать переговоры о заключении соглашений, выгодных для обеих сторон, в том числе о торговых сношениях. Вооруженное выступление легионеров в 1918 г. квалифицировалось как результат «трагической ошибки», «коварных интриг контрреволюции» и обмана чехословацких солдат. Под документом стояла подпись комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина³.

МИД ЧСР решил согласовать вопрос о переговорах с союзниками⁴, полагая, что просто отрицательной позиции чехословацкого правительства не может быть в виду внешних и внутренних причин⁵. Чехословакия была заинтересована в получении из России сырья и обретении обширного рынка сбыта для своей продукции, да и позиция союзных держав в отношении Советской России начала меняться. На заседании Комитета по иностранным делам Палаты депутатов Национального собрания 11 марта 1920 г. министр иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеш проинформировал, что на вопрос о позиции союзных государств получены два ответа. Франция полагала, что можно было бы немедленно приступить к установлению отношений с Россией, если бы существовала уверенность, что большевики отказались от террористических и негуманных действий во внутренних делах и приняли существующие дипломатические правила. Итальянское правительство высказалось за немедленное установление политических и экономических связей с Россией. Ответы от Великобритании и США все еще не были получены. В связи с этим Э. Бенеш предлагал подтвердить в радиотелеграмме прием русской ноты и квалифицировать по-своему действия чехословацких войск в России⁶. И такую ноту Бенеш отправил Г. В. Чичерину 10 апреля 1920 г. В ноте сообщалось о подготовке чехословацкой стороной сборника документов о сибирской армии, кон-

---

3 Там же. С. 322–323.

4 Э. Бенеш свою зависимость от западных союзников объяснял промежуточным положением между ними и Россией, собираясь использовать это положение во внешней политике. См.: *Ворачек Э. Установление отношений Чехословакии с Советской Россией. Дипломатия и решение проблемы репатриации // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2020. С. 145.*

5 ДМИСЧО. Т. 1. С. 323. С одной стороны, чехословацкие деловые круги требовали установления взаимовыгодных контактов с Россией, с другой — в стране находились влиятельные силы, резко негативно выступавшие против любых взаимоотношений с большевиками.

6 ДМИСЧО. Т. 1. С. 328–329.

статировалось, что с правовой точки зрения советская нота не соответствовала полностью действительности, и чехословацкое правительство никогда не находилось в состоянии войны с Россией, в Сибири были заключены лишь местные соглашения. В конце документа предлагалось послать в Россию представителей для обсуждения вопроса о чехословацких гражданах, находившихся там, и будущих экономических связях⁷. Отвечая на ноту Бенеша, Чичерин 22 апреля 1920 г. констатировал конец враждебных действий между сторонами в Сибири, предлагал не откладывать начала переговоров до выхода сборника документов чехословацкой стороны, в свою очередь сообщал о готовности предоставить уже опубликованный в России сборник документов о действиях легионеров, ставил вопрос об обмене комиссиями и обращался с формальным предложением установить нормальные отношения⁸. В апреле – июне 1920 г. продолжались интенсивные переговоры между сторонами об обмене миссиями Красного Креста через чехословацких и советских представителей в Ревеле⁹. В конце апреля глава чехословацкой миссии Й. Скала с женой уже находились в Ревеле, ожидая согласия на въезд в Россию. Советская сторона предложила расширить состав миссий хотя бы до трех человек, а затем предложила для согласования список из 7 человек во главе с С. И. Гиллерсоном. При этом Чичерин стремился ускорить процесс обмена, а чехословацкая сторона не торопилась с ответами. В телеграмме от 6 мая 1920 г. из Москвы в Ревель советскому полпреду и торгпреду в Эстонии И. Э. Гуковскому Чичерин отмечал: «...мы очень дорожим возобновлением сношений с Чехо-Словакией. Нельзя ли через их представителя в Ревеле ускорить развитие сношений между нашими двумя правительствами»¹⁰. 9 июня Чичерин обращался к Бенешу с просьбой ускорить ответ и сделать все необходимое для проезда делегаций¹¹. А 19 июня 1920 г. в телеграмме в Ревель нарком иностранных дел РСФСР сообщал: «Безрезультатное ожидание ответа от Чехии заставляет думать, что ответа не будет, что-то там переменялось. При таких условиях Скалу, конечно, не пустим...»¹². Задержка объяснялась целым рядом причин. В апреле и мае в адрес чехословац-

7 Там же. С. 332–333.

8 Там же. С. 337.

9 Там же. С. 339.

10 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0138. Референтура по Чехословакии. Оп. 1. 1920. П. 101. Д. 3. Л. 1.

11 ДМИСЧО. Т. 1. С. 352–353.

12 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 1. 1920. П. 101. Д. 3. Л. 8.

кого правительства были направлены две ноты. Первая — со стороны народных комиссаров иностранных дел РСФСР и УССР Г. В. Чичерина и Х. Г. Раковского о необходимости роспуска чехословацким правительством формируемых С. В. Петлюрой на территории Чехословакии полков из бывших военнопленных для борьбы совместно с Польшей против Советской Украины¹³. Во второй ноте советское правительство протестовало против провоза по чехословацкой территории военного материала, предназначенного для Польши, с которой Россия вела войну¹⁴. Из чехословацкой прессы стало известно о том, что на территории ЧСР действует Русский Красный Крест¹⁵ и русские дипломатические миссии генерала М. Н. Леонтьева и В. Т. Рафальского, что вызвало протест министра иностранных дел РСФСР¹⁶. Еще весной 1919 г. А. И. Деникин направил в Прагу в качестве военного агента генерала Леонтьева, который принял на себя выполнение консульских функций. Почти в это же время Совещание послов направило в чехословацкую столицу В. Т. Рафальского в качестве консула и поверенного в делах. Официально он не был признан правительством ЧСР, но исполнял консульские функции в отношении русских беженцев¹⁷. Обе эти миссии не были официально аккредитованы при чехословацким правительстве, но выдавали документы и справки русским эмигрантам в ЧСР¹⁸.

Советское руководство рассчитывало добиться официального признания и заключения дипломатических отношений с Чехословакией. В самом начале 1920-х годов оно все еще надеялось на всемирный революционный пожар¹⁹, и советские представители за рубежом вели соответствующую работу, которую власти ЧСР рассматривали как подрывную²⁰, что, естественно, вызывало их крайнее недовольство.

---

13 ДМИСЧО. Т. 1. С. 338.

14 Там же. С. 345–346.

15 Там же. С. 344–345.

16 Там же. С. 347.

17 Кононова М. М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М., 2004. С. 100–101.

18 Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha, 1998. S. 25.

19 Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 175.

20 Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 — февраль 1923 года) // Славяноведение. 2020. № 3. С. 25–28.

Бенеш также учитывал сдержанную позицию союзников и резко отрицательное отношение к большевикам части политического спектра внутри страны. К тому же оставалась надежда на то, что к власти в России придут другие силы, а большевистский режим падет.

Контакты и зондаж относительно установления отношений шли и по другим линиям. Председатель Российской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красин сообщал 2 июня 1920 г. о своей беседе с Э. Бенешем²¹. По его словам, Бенеш опять подтвердил, что заключать мир невозможно, так как войны не было. Он считал, что признать советское правительство невозможно, так как оно еще не признано союзниками²². Отвечая на вторую ноту, министр иностранных дел ЧСР указал, что Чехословакия запретила провоз оружия в Польшу, независимо от протеста Чичерина²³. В то же время он заявил о готовности установить торговые отношения и обменяться торговыми представительствами, так как его страна заинтересована в получении хлеба, табака, марганцевой руды, соли и нефтяных продуктов, и в свою очередь готова поставлять сельскохозяйственные машины и железнодорожный материал.

Э. Бенеш также информировал председателя правительства о трехчасовых переговорах с Л. Б. Красиным в Лондоне, заявив, что они были любопытные, но ничего нового о позиции большевиков он не подчеркнул. Суть этой позиции он сформулировал так: «Военные действия усиливают и сохраняют; хотят иметь экономические связи

---

21 ДМИСЧО. Т. 1. С. 346.

22 Четко и кратко Бенеш сформулировал отношение к Советской России в августе 1920 г. в телеграмме чехословацкому полпредству в Вашингтоне: «Большевиков не признаем, ...против военной интервенции... Врангеля не признаем... За экономические связи без признания, ... пошлем в Россию своих представителей с определенными ограниченными консульскими правами договориться... относительно возврата наших пленных». См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 370.

23 Надежды Франции на участие Чехословакии в войне на стороне Польши не реализовались. Руководству ЧСР была ближе позиция Великобритании, которая, зная экономическую и военную ситуацию в Польше, допускала ее поражение в войне. К тому же чехословацко-польские отношения были весьма напряженными из-за конфликта о принадлежности Тешинского района. См.: *Gajan K. Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů // České země a Československo v Evropě XIX. a XX. století. Sborník prací k 65. narozeninám prof. Dr. Roberta Kvačka / eds. J. Dejmek a J. Hanzal. Praha, 1997. S. 195.*

с Европой, иначе погибнут, так как не могут пока сами производить станки, мануфактуру и пр., в которых нуждаются». Красин, по его словам, признался, что пока Советская Россия мало что может поставлять для торгового обмена, но большевики предлагали концессии лесов, шахт на капиталистической или частнособственнической основе на срок 30–50 лет с правовыми гарантиями свободной эксплуатации, а взамен хотели мира и экономических контактов. Бенеш также назвал имевшиеся проблемы во взаимоотношениях с советской стороной. Большевики в принципе не признавали долги, правда, Красин намекнул, что, возможно, пойдут на уступки в зависимости от отношения к ним союзников. Серьезной проблемой стало и то, что большевики не признавали собственность чехов и словаков в России²⁴. В этом разговоре Бенеш дал отчетливо понять, что официальное дипломатическое признание невозможно, но фактические контакты будут установлены и обмен экономическими миссиями произойдет. В продолжение беседы Л. Б. Красин 7 июня т. г. обратился в письме к Э. Бенешу и предоставил ему список необходимых для России товаров, в том числе сельскохозяйственных машин, паровозов, запчастей к ним, арматуры, скреплений для рельсов, с указанием приблизительной потребности в этих товарах, с тем, чтобы иметь основу для деловых сношений²⁵.

Наконец 20 июня был получен положительный ответ от Бенеша о готовности принять миссию Гиллерсона и согласиИ Германии выдать для нее транзитные визы. В свою очередь чехословацкая миссия была дополнена профессором Гунденбауэром²⁶. 11 июля 1920 г. в Прагу прибыла миссия Советского Красного Креста. Одна из главных ее целей состояла в том, чтобы договориться об условиях обмена бывших военнопленных. По приезде Гиллерсон заявил, что миссия не будет заниматься никакой политической деятельностью, однако уже 3 августа передавал Бенешу протест по поводу того, что в Праге продолжали действовать представители Российского общества Красного Креста²⁷ и российские дипломатические миссии. Гиллерсон на самом деле занимался не столько военнопленными, сколько контрразведкой, имея, по словам деятеля Коминтерна Я. Салата, своих людей в ставке Петлюры и среди агентов Врангеля²⁸, и пропагандой, установив связи с

24 ДМИСЧО. Т. 1. С. 347–348.

25 Там же. С. 352.

26 Там же. С. 355.

27 Там же. С. 360.

28 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 12.

чехословацкими коммунистами²⁹. Советские представители совместно с чехословацкими коммунистами даже издавали газету «Правда»³⁰. Все это вызывало крайне негативное отношение к Гиллерсону со стороны чехословацкого МИД и постоянную критику в прессе³¹. Среди самих советских представителей нередко возникали разногласия и неприязнь: член миссии В. Вишневецкий жаловался на Гиллерсона, что тот слабо ведет дело, и советовал отозвать его в Москву³².

В августе 1920 г. Центрэваком выработал вместе с представителем ЧСР Й. Скалой текст соглашения о репатриации, которая должна была вестись на добровольной основе. Разногласия вызвал лишь пункт соглашения о том, кто несет расходы по доставке пленных до границы (советская сторона отказывалась за свой счет доставлять чехословацких пленных из Сибири и Туркестана до границы, так как это требовало больших расходов)³³. В ноябре 1920 г. прошло сообщение о возвращении 3-го транспорта с русскими военнопленными из Чехословакии³⁴. Референт II секции МИД Чехословакии Й. Благож сообщал весной 1921 г., что благодаря миссии Скалы из России также следуют на родину транспорты из Петрограда, Одессы и Владивостока³⁵.

После декабрьской стачки 1920 г. в ЧСР, в которой активно участвовали коммунисты, вернувшиеся из России и связанные с советскими представителями в Праге³⁶, Бенеш решил обратиться к Й. Скале с просьбой передать советской стороне, что желательно отозвать Гиллерсона: «Если он не уедет сам, его надо будет выслать», — писал он в январе 1921 г.³⁷

---

29 Станков Н. Деятельность Коминтерна и образование КПЧ в документах первых советских миссий в Чехословакии (1920–1921 гг.). // *Paginae historiae. Sborník Národního archivu. Praha*, 2020. Sv. 28/2. S. 113–121.

30 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 18.

31 В. Вишневецкий писал Якубовичу в Берлин 3 декабря 1920 г.: «С нами никто не считается и о миссии как таковой говорят и пишут, а пишут очень много, только тогда, когда можно ругать. А ругают, как попадет. Нет ни одного дня, чтобы в какой-нибудь газете не появилась заметка о Гиллерсоне и его миссии...». См.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 16.

32 Там же. Л. 12.

33 ДМИСЧО. Т. 1. С. 362–363.

34 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 2.

35 ДМИСЧО. Т. 1. С. 406–407.

36 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 2. П. 101а. Д. 39. Л. 59–63; Оп. 3. П. 102. 1920–1922. Д. 4. Л. 7.

37 ДМИСЧО. Т. 1. С. 392.

В свою очередь, Чичерин также полагал, что Скалу надо отозвать, так как он подозревается в шпионаже в пользу Франции и Англии и окружен людьми, которые имели связи с Деникиным и Врангелем. В письме Гиллерсону 29 апреля 1921 г. он писал: «Неудобно, когда представителем состоит человек более чем подозреваемый в шпионаже в пользу другой державы... Он окружен элементами, несомненно, шпионскими. Получается неудобство. Выходит так, будто бы люди арестуются за то, что они стоят близко к Чешской Делегации. Между тем они арестуются за то, что есть сведения об их шпионской деятельности. Но выходит так, что эти элементы как раз в тесном контакте или даже более со Скалой». В конце письма он выражал желание совершенно обновить состав чехословацких должностных лиц в России из-за их прежних связей с «белогвардейщиной»³⁸.

Было решено заменить миссии Красного Креста торговыми представительствами, тем более, что репатриация российских пленных из Чехословакии почти закончилась к концу 1920 г. Первоначальный план послать в Прагу главой торговой делегации С. И. Аралова, который в 1918 г. являлся заведующим оперативным отделом Наркомата по военным делам РСФСР и активно участвовал в конфликте чехословацких легионеров с большевиками, не был одобрен чехословацкой стороной³⁹. Тогда было решено, что председателем торговой делегации РСФСР станет П. Н. Мостовенко⁴⁰, до этого занимавший должность российского полпреда в Литве. Чехословацкую торгово-промышленную миссию возглавил брат заместителя Э. Бенеша Вацлава Гирсы Йозеф Гирса (одновременно он являлся и главой миссии на Украине)⁴¹. По приезде в Прагу 14 июня 1921 г. Мостовенко заявил редактору журнала «Новый мир», что видит свою задачу в подготовке условий для заключения торгового договора с Чехословацкой республикой.

В августе 1921 г. чехословацкое правительство начало так называемую Русскую акцию, имевшую два направления: помощь голодающим в России и поддержка беженцев из России. Приветствуя

---

38 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 2. 1921. П. 101. Д. 3. Л. 5–5об.

39 Там же. Л. 3; ДМИСЧО. Т. 1. С. 407.

40 Там же. С. 407, 463. Подробнее о П. Н. Мостовенко и его миссии в ЧСР см.: *Станков Н. Н.* Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года — февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32.

41 ДМИСЧО. Т. 1. С. 437.

помощь районам, пострадавшим от голода⁴², советское правительство и его представители в Праге крайне негативно относились к поддержке эмигрантов, считая их врагами Советской России.

Вопрос о признании Советской России Бенеш связывал с ее международным признанием. Чехословацкая сторона не спешила официально признать Советскую Россию, ориентируясь на позиции как союзных держав, так и партнеров по формирующемуся в 1920–1921 гг. блоку Малой Антанты — Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев, при этом ЧСР делала основной акцент на установление экономических связей. Кроме того, президент и правительство Чехословацкой республики рассчитывали на эволюцию большевистского режима в сторону демократизации и в 1921 г. развернули широкую помощь голодающим в России и русским демократически настроенным эмигрантам, прибывавшим в ЧСР.

Что же касается подготовки торгового соглашения, то первоначально Мостовенко показалось, что правительство ЧСР склонно принять целиком присланный им проект за исключением двух строк первого параграфа о признании представительства РСФСР единственным. На словах и Э. Бенеш, и В. Гирса признавали это. Но Мостовенко писал Чичерину в августе 1921 г.: «У меня накопился громадный материал, доказывающий неофициальное существование здесь самых фантастических организаций, которые как минеральные отложения для геолога смогут помочь будущему историку составить последовательный перечень всех петроградских, московских, донских и т. д. правительств и их претендентов»⁴³.

Однако отношения сторон выстраивались непросто, и для согласования условий договора потребовался почти год. В интервью корреспонденту газеты «Новый мир» 1 февраля 1922 г. Мостовенко подчеркивал обоюдную заинтересованность в торгово-экономических сношениях, но подчеркивал, что некоторые политические моменты не способствуют сближению сторон, обращая внимание на поддержку чехословацким правительством эмигрантов из России⁴⁴. В марте 1921 г. все еще продолжалось обсуждение российско-чехословацкого договора. Заместитель Г. В. Чичерина М. М. Литвинов в письме П. Н. Мостовенко 2 марта т. г. писал, что предлагаемая формулировка пункта о праве чехословацких граждан начать коммерческую деятель-

42 Там же. С. 432.

43 Там же. С. 436.

44 Там же. С. 469–473.

ность в России на основании общих декретов, ничего Чехословакии не дает, но если чехословацкие политики хотят констатации этого факта, то он не возражает против включения его в договор. Однако Литвинов был категорически против репатриационного договора, соглашаясь лишь с включением упоминания о репатриации граждан своей страны, но не фиксируя порядка репатриации, так как вопрос об оплате реэвакуационных расходов все еще не был решен⁴⁵.

Выступая в Национальном собрании накануне Генуэзской конференции, Бенеш еще раз сформулировал позицию Чехословакии в русском вопросе: «Мы выступали и выступаем против военной интервенции в России и против какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела русских. Но мы требуем того же и в отношении себя. Мы за установление экономических и торговых связей с Россией, за оказание помощи России в борьбе с голодом и за помощь эмиграции за границей»⁴⁶.

В интервью корреспонденту газеты «Prager Tageblatt» 5 апреля 1922 г. Чичерин также подтвердил, что препятствием к заключению экономического соглашения являются политические разногласия: «Пражское правительство не может решиться признать нас единственными представителями русского народа и не хочет порвать своей связи с белогвардейскими и тому подобными элементами. В результате этого мы до сих пор не могли прийти с чехословацким правительством к какому-либо положительному или экономическому соглашению. Неоднократно делалась попытка достичь таких соглашений, и между нами велись об этом переговоры. Но, к сожалению, они до сих пор не дали положительного результата»⁴⁷.

Президент ЧСР Т. Г. Масарик в письме Э. Бенешу 18 апреля 1922 г. инструктировал его перед Генуэзской конференцией, что с большевиками лучше вообще не вести переговоров о признании де-юре, так как Россия своими результатами пока лишь доказывает невозможность большевистского коммунизма. «Большевики ожидали европейскую революцию, давали на нее деньги и хотели уничтожить капитализм — ныне вместо революции коммунистические революционеры просят милостыню у капиталистов»⁴⁸, — писал он. 24 апреля Масарик повторял тому же адресату: «Признание де-юре было бы крупной ошибкой... Возможно

45 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. 1920–1922. Д. 4. Л. 143–144.

46 ДМИСЧО. Т. 1. С. 487.

47 Там же. С. 491.

48 Там же. С. 492.

вы с Чичериным придете к соглашению относительно нашего договора. Это должен быть торговый договор, а не политический»⁴⁹.

17 мая 1922 г. П. Н. Мостовенко направил ноту в МИД Чехословакии, протестуя против «политического союза чехословацкого правительства и отдельных кругов чехословацкой общественности с небольшими группами русских партийных деятелей, преимущественно эсеровского толка», сосредоточенными в Пражском Земгоре (который он квалифицировал как «боевую организацию эсеров»), и против денежной поддержки его. Он обвинял правительство ЧСР в противодействии попыткам части русских эмигрантов вернуться на родину⁵⁰. В дальнейшем Мостовенко постоянно жаловался в Москву на поддержку в ЧСР русских эмигрантов⁵¹, в качестве рычагов нажима на чехословацкий МИД предлагал использовать такие меры, как закрытие консульских отделений во Владивостоке и других городах⁵², противодействие в получении въездных виз в РСФСР и др.

Э. Бенеш, докладывая 23 мая 1922 г. в Палате депутатов о результатах Генуэзской конференции, еще раз остановился на позиции ЧСР в отношении России: «Мы отстаивали политику среднего пути... Мы выступали за установление связей, за постоянные контакты, постепенную организацию сотрудничества, в особенности в области экономики, за приспособление в ходе постепенного развития условий в России к условиям других государств, за сохранение таким путем основных результатов русской революции без дальнейшей анархии в России, за постепенное развитие в направлении сотрудничества с остальными слоями русского народа»⁵³.

Наконец, основные спорные вопросы были улажены, и 5 июня 1922 г. в Праге был подписан Временный договор между РСФСР и ЧСР. Со стороны правительства РСФСР его подписал П. Н. Мостовенко, со стороны правительства ЧСР — полномочный министр В. Гирса и шеф экономической секции МИД инженер Я. Дворжачек. Статьей 1-й учреждались представительства, предусматривалась возможность открытия их отделений в важнейших центрах государств при условии согласия на

49 Там же. С. 494–495.

50 Там же. С. 496–499.

51 Подробнее об этом см.: *Сератионова Е. П.* Советские представительства в Праге и эмигрантский вопрос в начале 1920-х гг. // *Нансеновские чтения 2019 / науч. ред. В. Ю. Черняев.* СПб., 2020. С. 31–41.

52 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 102а. 1922–1923. Д. 8. Л. 3.

53 ДМИСЧО. Т. 1. С. 501.

то правительства соответствующей страны. Представительства взаимно признавались единственными, однако прямо было прописано, что вопрос о признании де-юре правительства другой страны этим договором не предreshается⁵⁴. 2-я статья предоставляла права и преимущества лиц дипломатического корпуса главам и двум членам торговых представительств, а также права и преимущества консульских представителей главам отделений. Главы представительств подлежали аккредитации в МИД и имели право сношения с центральными ведомствами, тогда как главы отделений — с местными властями. Раз в неделю курьерам предоставлялись дипломатические привилегии, учреждалась диппочта, телеграммы и радиограммы обладали преимуществом в отправке. Представительства наделялись правом выдачи виз, паспортов и удостоверения документов. Стороны брали на себя обязательства воздерживаться от пропаганды, направленной против другой стороны, и не принимать участия в политических и социальных конфликтах. Граждане обеих стран должны были пользоваться всеми общегражданскими правами, предусмотренными для иностранных граждан. Стороны обязывались не препятствовать возвращению на родину гражданам другой страны, а, наоборот, содействовать этому.

Приблизительно половина статей касалась непосредственно торгово-экономических вопросов. Так, согласно статье 10, договор не предreshал вопросов о взаимных претензиях об уплате компенсаций или восстановлении в правах граждан. Правительство ЧСР обязывалось оказывать поддержку каждому целесообразному почину своих граждан содействовать восстановлению экономики РСФСР, а правительство РСФСР гарантировало этим чехословацким гражданам, начавшим на основе соглашений экономическую деятельность в России, полную юридическую защиту личности и имущества, а также всяческое содействие. В отдельных случаях предусматривались соглашения о гарантиях для инвестированных капиталов. Правительство ЧСР признавало за правительством РСФСР и его органами, осуществлявшими торговую деятельность, права юридического лица. Предполагалось возобновление почтовых, телеграфных и транспортных сношений на основе дополнительных соглашений. Стороны договорились осуществлять

---

54 В примечании к первой статье правительства обязывались прекратить всякие официальные сношения с учреждениями, организациями и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны. Однако это условие не соблюдалось чехословацкой стороной, что не раз становилось поводом для критики и возмущения со стороны РСФСР / СССР.

торговую деятельность согласно действовавшим законам, учитывая монополию внешней торговли правительства РСФСР. Предусматривался третейский суд в случае споров относительно заключенных сделок и проведенных операций. Имущество правительств на территории другой страны должно было пользоваться охраной международного права. Возможен был вызов из своей страны специалистов по согласованию с МИД страны пребывания. Стороны также обязывались не налагать ареста и не проводить конфискации товаров и имущества, если при ввозе соблюдались все законы и предписания. Гражданам ЧСР гарантировалась неприкосновенность привезенного с собой или приобретенного в РСФСР имущества, однако неприкосновенность не означала права вывоза приобретенного в России имущества за границу, который осуществлялся лишь на основе законов и правил, при монополии внешней торговли и согласно таможенным законам РСФСР. Договор был составлен на двух языках, вступал в силу со дня обмена сообщениями об утверждении договора и расторгался с предварительным за 6 месяцев уведомлением. В случае расторжения договора представителям предоставлялась возможность оставаться в стране не менее 6 месяцев для ликвидации дел⁵⁵. На следующий день аналогичный договор был подписан представителями ЧСР и УССР.

Российской стороной Временный договор был ратифицирован 22 июня 1922 г., о чем Мостовенко уведомил МИД ЧСР нотой от 5 июля 1922 г.⁵⁶

28 декабря 1922 г. в письме М. М. Литвинову Мостовенко объяснял ситуацию, сложившуюся в парламенте с ратификацией этого договора⁵⁷. При обсуждении вопроса об отношениях с Россией депутат от коммунистов К. Крейбих предложил немедленно признать Советскую Россию де-юре. Предложение было отвергнуто. Тогда представитель национальных социалистов И. Грушовский внес корректирующее предложение «найти благоприятный момент для вступления с Советской Россией и Советской Украиной в переговоры о взаимном признании де-юре». И такая резолюция была единогласно принята всеми партиями при отсутствовавших национальных демократах. Эту резолюцию должны были представить на утверждение парламента вместе с вопросом о ратификации договора. Мостовенко считал, что если бы резолюция Грушовского попала на пленум, то, вероятно, смогла бы

55 ДМИСЧО. Т. 1. С. 507–511.

56 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 102а. 1922–1923. Д. 8. Л. 23.

57 Там же. Л. 4–8.

собрать большинство. Вместе с тем он полагал, что «вопреки уверениям Гирсы, что резолюция ничего не стоит [...], для Бенеша в связи с ней создано исключительно трудное положение». Далее он пояснил, что Бенеш целиком ориентируется на Антанту, его политика не самостоятельна: «Оторваться от Антантовского блока в таком важном вопросе для Бенеша значит перестать быть Бенешем. Вся основа его карьеры и источника его авторитета здесь в том, что он хорошо принят Антантой»⁵⁸. По мнению советского представителя, чехословацкий министр иностранных дел был слишком зависим от заграницы, особенно Франции, поэтому единственным выходом для него было «ждать и оттягивать». В конце письма он пояснил, что сразу после публикации договор приобрел силу, еще до рассмотрения его парламентом.

Из-за разногласий между представителями различных политических партий⁵⁹ в Национальном собрании чехословацкая сторона так и не ратифицировала договор, что долгое время вызывало нарекания с советской стороны⁶⁰. Правда, как и указывал Мостовенко, он вводился в действие постановлением чехословацкого правительства от 7 августа 1922 г. и приобрел силу со дня обнародования 2 сентября 1922 г.

Характер договора был шире торгового соглашения и фактически означал признание Чехословакией советского правительства де-факто. Однако официальное признание де-юре СССР удалось получить лишь в 1934 г. в условиях изменившейся международной ситуации, и прихода к власти в 1933 г. в соседней Германии А. Гитлера.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Ворачек Э. Установление отношений Чехословакии с Советской Россией. Дипломатия и решение проблемы репатриации // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Полимедиа, 2020. С. 134–148. DOI 10.31168/0442-8.

⁵⁸ Там же. Л. 5.

⁵⁹ О позиции в русском вопросе разных политических сил ЧСР см.: Серапионова Е. П. Чехословакия и вопрос о признании Советской России // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М., 2020. С. 148–163.

⁶⁰ *Voráček E. a kol. V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948.* Praha, 2019. S. 190.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1973. Т. 1. 551 с.

Кононова М. М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М.: ИВИ РАН, 2004. 240 с.

Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект-Пресс, 2021. 864 с.

Серапионова Е. П. Чехословакия и вопрос о признании Советской России // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., Полимедиа, 2020. С. 148–163. DOI 10.31168/0442-8.

Станков Н. Деятельность Коминтерна и образование КПЧ в документах первых советских миссий в Чехословакии (1920–1921 гг.) // *Paginae historiae. Sborník Národního archivu. Praha*, 2020. Sv. 28/2. S. 113–130.

Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 — февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1024 с.

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 1998. 343 s.

Gajan K. Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů // *České země a Československo v Evropě XIX a XX. Století. Sborník prací k 65. narozeninám prof. Dr. Roberta Kvačka / eds. J. Dejmeek a J. Hanzal. Praha: Historický ústav AV ČR, 1997. S. 191–209.*

Voráček E. a kol. V zájmu velmocí. Československo a Sovětský svaz 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. Dokumenty i materialy, vol. 2, Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaia voïna v Rossii. Moscow: Kuchkovovo pole, 2018, 1024 s.

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chekhoslovatskikh otnosheniï, vol. 1. Moscow: Nauka, 1973, 551 p.

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha: Slovanský ústav, Euroslavica, 1998, 343 p.

Gajan, K. “Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů.” *České země a Československo v Evropě XIX a XX. Století. Sborník*

práci k 65. narozeninám prof. Dr. Roberta Kvačka, ed. by J. Dejmek, J. Hanzal. Praha: Historický ústav AV ČR, 1997, pp. 191–209.

Kononova, M. M. *Russkie diplomaticheskie predstavitelstva v emigratsii (1917–1925)*. Moscow: IVI RAN, 2004, 240 p.

Magadeev, I. E. *V teni Pervoï mirovoï voïny. Dilemmy evropeïskoï bezopasnosti v 1920-e gody*. Moscow: Aspekt-Press, 2021, 864 p.

Serapionova, E. P. “Chekhoslovakiia i vopros o priznanii Sovetskoï Rossii.” *Czechoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii*. Moscow: Polimedia, 2020, pp. 148–163. DOI: 10.31168/0442-8.

Stankov, N. “Deiatelnost’ Kominterna i obrazovanie KPCh v dokumentakh pervykh sovetskikh missii v Chekhoslovakii (1920–1921 gg).” *Paginae historiae. Sborník Národního archivu*, sv. 28/2. Praha, 2020, pp. 113–130.

Stankov, N. N. “Sovetskiï predstavitel’ v Chekhoslovakii P. N. Mostovenko protiv emissarov Kominterna (iiun’ 1921 — fevral’ 1923 goda).” *Slavianovedenie*, 2020, No 3, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

Voráček, E. et al. *V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948*. Praha: Historický ústav, 2019, 676 p.

Voráček, E. “Ustanovenie otnosheniï Chekhoslovakii s Sovetskoï Rossiei. Diplomatii i reshenie problemy repatriatsii.” *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkachimperii*. Moscow: Polimedia, 2020, pp. 134–148. DOI: 10.31168/0442-8.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.04

E. P. Serapionova

**The Interim treaty between the RSFSR and Czechoslovakia:
on the 100th anniversary of signing**

Elena P. Serapionova
Doctor of History, head of the department
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. The Interim treaty between the RSFSR and Czechoslovakia: On the 100th anniversary of signing // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 68–85 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.04

Received: 06.03.2022.

Abstract

The article is devoted to establishing contacts of Soviet Russia and Czechoslovakia. It also deals with the signing of the first treaty between the countries on June 5, 1922. The centenary of the document and the complicated Russian-Czech relations in recent years determine the relevance of addressing these subjects. The aim of the article is on the basis of documents found in the Russian Foreign Policy Archive (the correspondence of the Soviet representatives in Prague S. I. Gillerson and P. N. Mostovenko with the People's Commissar for Foreign Affairs V. G. Chicherin and his deputy M. M. Litvinov), as well as on published materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations, to explain the contradictions that existed between the parties and to show ways of overcoming them. Based on the latest research by Russian and Czech historians, the author analyses the international situation of that time, the terms of the agreement, draws attention to the fact that the agreement was not ratified by the Parliament of the Czechoslovak Republic, but came into effect by a government decree. It is concluded that the strategic goal of the Soviet foreign policy to achieve a de jure recognition was not implemented at that time. However, the Interim Treaty meant a de facto recognition of the RSFSR and created conditions for the development of trade and economic cooperation.

Keywords

Czechoslovakia, RSFSR, Interim Treaty of 1922, diplomatic recognition of Soviet Russia.